Текст · 3 июня 2019, 11:02
Дмитрий Швец,

Случайная беременность и отредактированная стенограмма. Два важных момента в деле курсанта Осипова, направленного на принудительное лечение за подготовку теракта

В конце прошлой недели Московский окружной военный суд направил на принудительное лечение курсанта академии имени Можайского Вадима Осипова, который, по версии следствия, планировал вооруженный захват казармы. Дима Швец обращает внимание на самые странные детали этого дела — вопрос о вменяемости молодого человека судья поставил на основании биографических данных о его матери, а из протокола первых опросов Осипова сотрудниками ФСБ исчезли наводящие вопросы.

Психиатрия. Как Вадима Осипова признали невменяемым

Вадим Осипов родился в 1998 году «от случайной беременности 14-летней матери, склонной к употреблению психоактивных веществ» и умершей в 2011 году от отравления димедролом. Сведений об отце нет. Воспитывала мальчика пьющая бабушка «в условиях некоторой безнадзорности».

Когда Вадим подрос, его отправили учиться в кадетское училище. «В большинстве случаев отступал перед силой, при принятии ответственных

решений колебался, не справляясь со своими эмоциями».

> «Медиазона» подробно писала о злоключениях Вадима Осипова. На уроке истории 18-летний курсант составлял рукописный план захвата казармы. Это заметил преподаватель, он отобрал у молодого человека его записи и передал их руководству академии, которое, в свою очередь, обратилось в ФСБ.

Это — аргументы, которыми руководствовался судья Московского окружного военного суда Евгений Зубов, когда 11 января 2018 года выносил определение о направлении юноши на повторную стационарную психолого-психиатрическую судебную экспертизу.

Осипова, учившегося в петербургской Военно-космической академии имени Можайского, подозревали сначала в склонении к терроризму (часть 1 статьи 205.1 УК), а затем — и в приготовлении к теракту с возможными человеческими жертвами (часть 1 статьи 30, пункт «б» части 3 статьи 205 УК). По версии следствия, он планировал захват казармы.

Большинство свидетелей в деле — сокурсники Осипова, которые на стадии предварительного следствия давали показания против Вадима, но в суде уверенно говорили, что всерьез намерения захватить казарму он никогда не выказывал.

Определение о назначении повторной экспертизы судья Зубов вынес на второй день рассмотрения дела

по существу — после того, как в суде выступили те самые однокашники обвиняемого.

В предыдущей экспертизе, которая не выявила у Осипова психических отклонений, судья усмотрел «определенную неполноту и противоречивость в выводах».

Вадима задержали в ночь на 9 апреля 2017 года; юноша дожидался суда в петербургском СИЗО-1, известном как «Кресты». Защита на всех этапах расследования и судебного процесса настаивала на вменяемости молодого человека. В рапорте об обнаружении признаков преступления, составленном оперативниками ФСБ, говорится, что, по заключению специалистов из Военно-медицинской академии имени Кирова, «убедительных признаков психологических расстройств не выявлено». Первое обследование, проведенное в СИЗО, обнаружило у Вадима только «акцентуации характера» — выраженные особенности личности, близкие к пределам признанной нормы.

Адвокат Виталий Черкасов из правозащитной группы «Агора» рассказывает, что после определения судьи Зубова Вадима отправили в Москву в III Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны, а оттуда — в Институт имени Сербского. Исследование завершить не удалось: как объяснял адвокат Дмитрий Динзе, специалисты не смогли дать заключение о состоянии курсанта, потому что молодой человек тогда находился в «болезненном состоянии психики», и его по решению суда перевели

в психиатрическую больницу №5 в Чеховском районе Московской области.

Находясь в этой клинике, Вадим рассказывал об условиях содержания своей подруге по переписке Елене Кондрахиной — участнице группы поддержки «Сказки и истории для политзаключенных».

«Хоть это вопрос все-таки спорный, но, тем не менее, наивно полагать, что тюремные психиатрические больницы лучше, чем тюрьмы. На первый взгляд, закон не изощрен в наказаниях для психически больных людей, да и больница — все же больница. Но отсутствие изощренности с лихвой компенсируется лечением, которое зависит, по большей части, от фантазии врачей», — вспоминал Осипов в письме, которое есть в распоряжении «Медиазоны».

External embed

https://drive.google.com/file/d/1EfOH_vbwom_PJWepEFEwzpv6Pgh8I4G7/preview

Молодой человек упоминал о галоперидоле, «от которого у человека сводит конечности, и он застывает в неестественных позах», и «колпексоле» (вероятно, имеется в виду нейролептик клопиксол — МЗ), который добавляет к этим симптомам внезапную потерю сознания.

«Сковывало настолько, что при ходьбе у меня не было привычного движения руками, я передвигался в позе эмбриона. Двигались только ноги, — рассказывал юноша. — На пике лечения сковывание добралось до моей челюсти. У меня постоянно был открытый рот, я не мог его закрыть, только если силой стискивать зубы».

Вадим вспоминал о непрерывном обильном слюноотделении; он не мог улыбаться; были приступы тревожности: юноша просил о помощи, «но, как оказалось, в этом случае мне могли помочь только тем, что привязали бы меня к кровати».

«Налаживая отношения с врачом, нужно знать, что это еще не все. Во вторую очередь необходимо сдружиться с медперсоналом. Хочу сказать, что даже одного недоброжелателя среди "приближенных" достаточно, чтобы повысить свои шансы на попадание в неприятность с последующим назначением доплечения, — делился он своим больничным опытом. — Третье. Не стоит забывать о том, что там, на лечении, находятся психически больные люди. Они очень тяжелые собеседники. Некоторые само собой разумеющиеся выводы и понятия для них — нечто запредельное».

Предполагалось, что в больнице Осипов останется до тех пор, пока его состояние не улучшится настолько, чтобы стало возможно провести повторную экспертизу. На это обследование Московский окружной военный суд направил его в январе 2019 года; теперь специалисты заключили, что молодой человек страдает шизотипическим расстройством личности (*F 21.8* по МКБ-10).

На основании этого диагноза прокуратура попросила суд применить к Вадиму принудительные меры медицинского характера в учреждении специализированного типа. Суд с этим согласился и 31 мая вынес соответствующее решение.

Адвокат Виталий Черкасов обещает обжаловать это решение, до его вступления в силу Вадим будет находиться в СИЗО. Не исключено, что если к нему все-таки применят принудительные меры медицинского характера, Осипов отправится в ту самую больницу в Чеховском районе, о которой он рассказал в переписке с Кондархиной.

По данным «Медиазоны», в 2018 году защитникам Осипова намекали на некое «гуманное решение» по делу, однако сколько-нибудь подробными комментариями адвокатов на этот счет редакция не располагает.

Опрос. Почему первые разговоры сотрудников ФСБ с курсантом Осиповым вошли в протокол лишь отчасти

В постановлении о возбуждении уголовного дела против Вадима Осипова следователь Алексей Суровцев ссылается на сообщение о преступлении, поступившее к нему из ФСБ.

«В результате оперативно-розыскного мероприятия "Опрос" установлено, что Осипов оправдывает совершенный 3 апреля 2017 года террористический акт в Санкт-Петербурге. Планировал совершить противоправные действия на территории Академии. Для реализации своего замысла подыскивал единомышленников среди сослуживцев. С целью самостоятельного изготовления самодельного взрывного устройства изучил книгу под названием "Русская кухня. Азбука домашнего терроризма", при

этом осознавая, что данная литература запрещена к распространению», — говорится в рапорте спецслужбы.

Упомянутые опросы Осипова, которые легли в основу уголовного дела, проводились 5 и 8 апреля 2017 года. Почти сразу после второй беседы молодого человека задержали.

External embed

https://drive.google.com/file/d/17hREnkUunRU_q1wD1ylhzvg5uaO93tWu/preview

Первая встреча с майором ФСБ Сергеем Крутем зафиксирована только в протоколе опроса, составленном так, что восстановить ход разговора невозможно: документ представляет собой монолог Вадима, который внезапно признается в намерении завладеть оружием и захватить казарму.

Со вторым опросом защите Осипова повезло больше: оперативники тайком снимали беседу на камеру, и впоследствии в материалах дела наряду с протоколом опроса оказались видеозаписи и стенограммы. Кое-где из-за низкого качества звука реплики собеседников пропущены, вместо них в документе значится ремарка «разобрать и установить словесное содержание разговора не представилось возможным».

Тем не менее, адвокат Виталий Черкасов настаивает: сравнивая два этих документа, легко убедиться, что протокол опроса, на основании которого на курсанта завели дело, сфальсифицирован — в протоколе молодому человеку приписываются фразы, которых он не говорит на записи. «Особых претензий» к стенограмме, говорит Черкасов, у него нет.

External embed

https://drive.google.com/file/d/1mf1hEv0rVQIlYQ2TC9ssxG8Bneq9kFwd/preview

Расхождения между относительно точной расшифровкой и протоколом, считает Черкасов, наглядно демонстрируют, как оперативник Круть искажал показания Осипова, чтобы основания для возбуждения дела выглядели более весомыми.

Сначала разговор на записи идет о ранних годах Вадима, об алкоголизме его бабушки, об увлечениях — юноша с детства интересовался военной техникой. Примерно на 13-й минуте к беседе присоединяется подполковник ФСБ Антон Трефилов, и Вадиму предлагают выпить из стакана какую-то жидкость.

Видео на YouTube

YouTube

Из опроса Вадима Осипова

@Медиазона

https://www.youtube.com/watch?v=kOIyFGifSO4

Речь о терактах заходит на втором часу беседы. Офицеры ФСБ просят Осипова прокомментировать свои слова о том, что люди, устроившие теракты в петербургском метро в 2016 году, «сели в лужу» — так неосторожно курсант выразился во время предыдущего разговора с силовиками. Ответ молодого человека «Медиазона» приводит по стенограмме с незначительными сокращениями:

«Я понимаю, что это слишком жестко сказано, но все же это независимое мнение такое вот, то есть я бы сказал, ну, я так понимаю, что весь смысл этого террористического акта был в том, чтобы запугать гражданское население, чтобы они поняли, что имеют дело с серьезным противником. И мне кажется, что… Я не знаю, с кем они связаны были, но то, что [они] хотели проявить себя как можно жестче, то есть он заложил [бомбу] в метро — это людное место, он прям в поезде заложил… Во сколько примерно взорвалось, часов в 12 где-то, еще не час пик, но метро — одно из самых многолюдных мест, еще и студенты возвращаются с пар. Я думаю, они [террористы] рассчитывали на намного большее количество жертв, но в итоге, я так понимаю, у них что-то пошло не так, и они как бы облажались».

Силовики пытаются выяснить, как бы организовал теракт в метро сам Осипов, и молодой человек начинает откровенничать: атаку нужно планировать на час пик, использовать «вещество, которое проявляет себя в закрытом пространстве, то есть, если его положить и взорвать, то ничего не будет, а если затолкать в какую-нибудь щелку и взорвать, то разрушения будут довольно большие». За нескольких вопросов сотрудники ФСБ выясняют, что о таких

веществах юноша узнал из внесенной в федеральный список экстремистских материалов книги «Азбука домашнего терроризма», которую скачал через *Tor*.

Много воображает

Фантазии и шутки в деле курсанта Осипова, который мечтал понравиться сотрудникам ФСБ, а стал обвиняемым в подготовке теракта

В протоколе опроса Вадиму приписывается фраза «при организации террористического акта моим замыслом является цель — запугать гражданское население», в стенограмме этих слов нет.

«Оперативник существенно исказил эти и другие пояснения доверчивого и бесхитростного паренька, чтобы представить его в образе безжалостного, расчетливого террориста, готового пройти по трупам ради желания прославиться», — считает адвокат из «Агоры».

Дальше юноша вспоминает название вещества, о котором говорил чуть раньше — аммонал. При этом заметно, что динамика беседы в двух документах отражена совершенно по-разному. Если в стенограмме оперативники постоянно задают Осипову уточняющие вопросы — какое бы он использовал вещество, в каком количестве, где бы искал поражающие элементы, какое бы выбрал место закладки и так далее, — то в протоколе опроса этот разговор выглядит как подробный монолог Вадима без наводящих вопросов.

В разговоре с оперативниками Осипов демонстрирует определенные познания во взрывном деле, но подчеркивает, что «убийства — это ужасно и влияет очень на настроение масс».

«Если оставить о себе глубокий такой след, то, мне кажется, нужно памятники культуры взрывать. То есть, например, кто представляет себе Россию без собора Василия Блаженного? А тут — бац! И его нет», — рассуждает курсант. В протоколе опроса говорится просто: «Можно взрывать памятники культуры».

«Получив нужный ответ, оперативник задает провокационный вопрос: "Это круто?". И получает ответ Осипова: "Нет, это не круто на самом деле", — пишет адвокат Черкасов в фейсбуке. — Эти ответы в протокол опроса не внесены. Думаю, все понимают, из каких соображений».

Рассказывая о воображаемом теракте, в какой-то момент Осипов говорит, что после его совершения он бы на месте террориста уехал в деревню, и тогда оперативник Круть спрашивает: «А как

заходить на повторную фазу совершения теракта?». Тогда курсант начинает фантазировать о подготовке второго теракта. В протоколе опроса то, что эти рассуждения являются ответом на вопрос Крутя, никак не отражено; в документе просто начинается новый абзац: «При совершении второго теракта я бы выбрал тихий город...»

После этого курсант начинает объяснять, что он не делился с однокашниками своими идеями — эта часть беседы даже в стенограмме зафиксирована не слишком четко, звук на видео очень тихий; в документе то и дело повторяется фраза «разобрать и установить словесное содержание не представилось возможным». В расшифрованных обрывках разговора Вадим признается, что «очень хотел куда-то там, в Сирию», но тут же оговаривается, что не разделяет идей радикальных исламистов и что «террористы тянут мир в хаос».

При этом в протоколе опроса от лица Осипова подробно описан теракт в академии, за подготовку которого его и арестовали — курсант якобы собирался захватить оружейную комнату, завладеть автоматами и напасть на товарищей по альма-матер. В стенограмме этого эпизода нет вообще; возможно, это один из тех разговоров, когда «словесное содержание разобрать и установить не представилось возможным». Нет в расшифровке и слов о запасном «втором плане» Осипова, который, по версии следствия, предполагал закладку взрывчатки в холодильник из-под мороженого в людном месте.

Заключительная часть беседы посвящена сокурсникам Вадима — юноша признается, что

прощупывать собеседников начинал издалека и как бы в шутку, постепенно подводя их к разговору о «Азбуке домашнего терроризма», которой тогда увлекся.

«Я говорил, а представляешь, если поставить растяжку на ящик с мобильными телефонами, бац, и ящика нет, телефонов нет, и их сдавать не надо будет», — приводятся в стенограмме слова курсанта.

Он отмечал, что «очень легко заражал людей легкомысленностью», собеседники «как бы становятся с ним на одной волне и заражаются этим, они тоже становятся несерьезными», таким образом Вадим мог «под себя кого-нибудь подстроить». Он заводил разговоры о приемах самообороны и следил, как однокашники отреагируют на провокационные реплики. Впрочем, Осипов признавал, что он — «достаточно серьезный» человек и про себя всегда взвешивал, способен ли тот или иной из его соучеников в критической ситуации убить человека.

Через несколько часов после этой беседы с оперативниками юношу задержали.

Протоколы обоих опросов, говорит Черкасов, вошли в рапорт ФСБ — он и стал основанием для возбуждения уголовного дела. Протокол осмотра видеозаписи появился в деле значительно позже, 23 июня 2017 года — Вадим к этому времени уже больше двух месяцев находился в изоляторе.

Редактор: Дмитрий Ткачев